

БОГОСЛОВСКИЕ СОБЕСЕДОВАНИЯ, III

между представителями Евангелическо-Лютеранской Церкви (ФРГ)
и Русской Православной Церкви 3—8 марта 1967 года в Хёхсте (ФРГ)

НИКОДИМ,

митрополит Ленинградский и Ладужский

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗЪЯСНЕНИЯ ТЕКСТА:

„ВЫ УЖЕ ОЧИЩЕНЫ ЧЕРЕЗ СЛОВО, КОТОРОЕ Я ПРОПОВЕДАЛ ВАМ“

(Ин. 15, 3)

1. Во время омовения ног Господь сказал апостолу Петру: «Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист (*καθαρός*) весь; и вы чисты (*καθαροί*), но не все» (Ин. 13, 10).

Комментарии:

а) «Изможенный (в душе и совести,—посредством Моего учения и Духа и имеющей пролиться крови на кресте, каков ты),—отвечал Богочеловек, омывая ноги Петру,—не требует (более как) токмо нозе умыти (новым баньем Святого Духа, коего настоящее омовение служит предварением и символом, для всецелого очищения от предрассудков и слабостей, каковы в Петре были: излишнее падеание на свое мужество и на свою любовь к Учителю)» (Иппокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Сочинения, том VI. Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, глава «Омовение ног и Тайная Вечеря». Изд. М. Вольфа, 1874, с. 242).

б) «И вы чисты в том смысле, в каком говорил Я о омытом, вы стяжали себе в общении со Мною нравственную чистоту вообще и вам только нужно частное очищение—очищение от неизбежных в жизни частных греховных пятен» (Архим. Михаил. Прощальная беседа Господа Иисуса Христа с учениками. ЧОЛДП, 1873, ч. 2, сентябрь, с. 189).

Таким образом, в данном месте Спаситель говорит о нравственной чистоте апостолов, кроме Иуды, обращая их внимание на два обстоятельства: 1) на то, что эта нравственная чистота их есть не только результат их доброй воли, но и дар Божий. Они омыты через посредство учения Христова и благодаря общению со Христом; 2) на то, что эта нравственная чистота не является окончательной и полной. Они нуждаются в помощи свыше, которая действительно будет дана им в излиянии Святого Духа. Сейчас же Христос совершил символическое омовение, как бы приготавливая апостолов к достойной встрече последних событий Своей земной жизни. Однако это омовение не гарантирует им раз и навсегда свободы от падения, как не гарантирует постоянной чистоты раз совершенное омовение ног.

* * *

2. Прощальная беседа Спасителя с учениками (Ин. 13, 31—16, 33) состояла из двух частей: беседы на вечери (Ин. 13, 31—14, 31), которая закончилась пением пасхальных псалмов (см. Мф. 26, 30; Мр. 14, 26), и беседы на пути в Гефсиманию (Ин. 15, 1—16, 33).

Мнения, что Господь и Его ученики вышли из Сионской горницы после слов «встаньте, пойдем отсюда» (Ин. 14, 31), держатся: св. Иоанн Златоуст (Творения. Беседы на Евангелие от Иоанна, ч. 2. СПб., 1855, с. 535), блаж. Феофилакт («Благовестник», или Толкование на Евангелие, ч. 4. Казань, 1870, с. 372), М. Муретов (Подлинность бесед и речей Господа в четвертом Евангелии—«Православное обозрение», 1881, октябрь, с. 276), К. Сильченков (Прощальная беседа Спасителя с учениками. Харьков, 1895, с. 218 и примечания на с. 98—103 в конце книги), архимандрит (епископ) Михаил (Прощальная беседа Господа Иисуса Христа с учениками—ЧОЛДП, 1873, ч. 2, с. 270), Иппокентий, архиепископ Херсонский (Сочинения, т. VI, с. 264); из инославных—М. Лютер (Trostreiche Erklärung der letzten Reden Christi, S. 348)¹.

¹ См., например, следующее место из сочинений М. Муретова: «После речи, изложенной в 13 и 14 главах, Христос действительно вышел со Своими учениками из дома, в котором происходила последняя вечеря, и уже по пути к Гефсиманскому саду продолжал Свою беседу. Ясное указание на эту новую обстановку дальнейшей речи Господа находим в ее начальных словах, где Свои отношения к верующим Иисус

* * *

Все сказанное о делении беседы на две части имеет значение потому, что, если мы примем предположение о продолжении беседы уже за пределами Сионской горницы, то начало второй части беседы окажется следующим за пением наскальных псалмов. Такие именно пелись псалмы, можно, конечно, лишь предполагать с большей или меньшей степенной вероятности. В. Фаррар думает, что это были 114—117 псалмы (Жизнь Иисуса Христа. Перев. свящ. М. Фивейского. СПб., 1904, с. 687).

Если мы предположим, что, кроме того, апостолы пели еще и 118 псалом (хотя бы избранные стихи), то обнаружится близость слов Спасителя: «Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам» (Ин. 15, 3) и слов 118 псалма: «Слово Твое весьма чисто (geläutert), и раб Твой возлюбил его» (ст. 140). Действительно, сказав об очищении апостолов через слово, Спаситель почти тотчас говорит и о том, что Он уже не называет их «рабами», но «друзьями» (Ин. 15, 15). Можно думать, что в ушах апостолов еще звучали слова псалма: «Слово Твое весьма чисто, и раб Твой возлюбил его», которые они только что пели. Спаситель как бы воспользовался мыслью о чистом, «разжженном» слове для того, чтобы напомнить Своим ученикам о сделанном еще при умовении пог наставлении: «И вы чисты» (Ин. 13, 10). Ход мысли, возможно, был такой: слово Господне чисто, рафинировано. Но все то, что Я проповедал вам, так же есть слово Божие. Оно, будучи само чисто, очистило и вас. Вы возлюбили Мое слово подобно тому, как в псалме сказано: «и раб Твой возлюбил его». Но слово Мое не только нашло отклик в ваших сердцах. Оно превратило вас из «рабов» в «друзей» Моих. Причина такой действительности в том, что Я открыл вам Свое Евангелие во всей необходимой полноте: «Я сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (ст. 15).

* * *

3. Стих, содержащий упоминание об очищении через слово (Ин. 15, 3), не имеет самостоятельного значения в контексте 15 главы. Он введен в речь о Церкви, которая изображается под образом лозы и ее ветвей (Ин. 15, 1—8). Апостолы, очищенные посредством слова (учения) и благодаря общению со Христом в Его земной жизни, должны в дальнейшем стать такими членами Церкви, которые, пребывая в любви Христовой, «принесут много плода» (ст. 8), как истинные ученики и друзья Христовы. Для этого им понадобится безупречная нравственная чистота, которая будет поддерживаться: а) пощением Виноградаря, т. е. Отца Небесного, «очищающего всякую ветвь, приносящую плод, чтобы более принесла плода» (ст. 2); б) пребыванием во Христе — теле Его, Церкви, «на лозе» (ст. 6—7), а следовательно, постоянным таинственным-благодатным общением с Ним во Святом Духе.

«Очищение (Ин. 15, 2) совершается силой и действием Святого Духа в верующих, ... искушениями, страданиями и т. п., с целью более и более совершенствовать их нравственную жизнь» (Архим. Михаил. «Прощальная беседа...», с. 271). Но если это справедливо в отношении всех вообще верующих, то тем более справедливо в отношении к апостолам, к которым Спаситель в первую очередь и обращает Свою прощальную беседу. С. Соллертинский считает эту беседу непосредственной и важнейшей подготовкой к их пастырской деятельности: «Всматриваясь в прощальную беседу, мы увидим, что... все содержание этой беседы может быть сведено к одному: «Вы стали учениками не по своей воле, но Я вас избрал, чтобы шли вы на дело пастырства и приносили плод большой (15, 16). Поэтому как заместителей Своих Я уже не называю вас рабами, как называл прежде (Лк. 12, 42), а называю теперь уже друзьями (15, 15). Правда, в этом деле вас ожидают большие неприятности (16, 2): вас будут

сравнивать с виноградной лозой и ее ветвями (15, 1 и след.). Путь из Иерусалима в Гефсиманский сад, как известно, лежал частью по окраинам города, а частью по склону Масличной горы, т. е. по таким местам, которые изобиловали многочисленными виноградниками. Если обратить внимание на то, что в это время в Иерусалиме производилась очистка виноградников, причем засохшие ветки срезались с лоз и сжигались; если предположить далее, что горевшие днем костры из сухих виноградных лоз продолжали тлеть и ночью, — то перед нашим воображением с величайшей конкретностью рисуется та действительно историческая обстановка, которая послужила Христу поводом говорить, что истинные последователи Его должны пребывать с Ним в таком же тесном органическом единении, в каком виноградные ветви находятся со своей лозой, что, как скоро это единство прекращается, жизнь становится столь же невозможной для верующего, как невозможен рост для ветви, лишенной общения с жизненным соком своего ствола, и что подобно последней он отторгается от Христа и подвергается гибели» («Подлинность бесед...», с. 276).

Примечание. Место Ин. 18, 1: «Сказав сие, Иисус вышел (ἐξῆλθεν) с учениками Своими за поток Кедрон...» не находится в противоречии с предположением, что Христос и Его ученики оставили Сионскую горницу после слов: Ин. 14, 31. Глагол ἐξέρχονται (аог. 2 — ἐξήλθεν) значит здесь не «вышел», а «перешел» за поток Кедрон. «Последние речи были произнесены на пути, а где-нибудь в уединенном месте на берегу Кедрона вознесена была первосвященническая молитва». (К. Сильченков, прим. на с. 102).

преследовать, убивать... но... «раб не больше господина» (15, 20)... (Апостолы) должны помнить, что хотя физически страдания будут тяжки, но психически будут позвыпать их... Вы должны быть уверены в силе своего дела... если Я ухожу, то это не значит, что вы останетесь одни; нет. Я пошлю вам Утешителя (14, 16; 15, 26) — Духа, Который будет помогать вам, наставит вас на всякую истину». Вот те мысли, которые выражены Спасителем в завещании Его апостолам» (Пастырство Христа Спасителя. СПб., 1896, с. 116—117).

Таким образом, как самое содержание прощальной беседы в целом (завещание апостолам перед окончательным поставлением на пастырство в Церкви), так и расположение места: Ин. 15, 3 в речи о Церкви — Лозе (15, 1—8) дает основание считать, что это место не может рассматриваться как выражение точного догматического учения о характере очищения человека (через слово Божие). В Церкви могут быть, и действительно имеются, и другие способы очищения, связанные с теснейшим общением со Христом и с благодатными действиями Духа Святого. Что же касается самого упоминания о чистоте учеников в данном месте, то оно, по-видимому, имело ту же цель, что и слова, сказанные апостолу Петру при омовении ног. Господь хотел утешить Своих учеников указанием о попечении о них Отца и Своем (ст. 1—3). Но в то же время напоминал им о необходимости бодрствовать, быть готовыми к тяжким испытаниям и заботиться о постоянном очищающем пребывании во Христе, в Его Церкви (ст. 2, 4).

* * *

4. В первосвященнической молитве (Ин. 17, 1—26), последовавшей по окончании прощальной беседы, Спаситель произнес следующие слова: «Освяти их (*ἁγιάσω αὐτούς*) истиною Твоею; слово Твое есть истина» (Ин. 17, 7).

На первый взгляд здесь речь идет о том, что освящение, т. е. возведение к святости, а следовательно, и нравственное очищение, совершается именно «словом» Божиим, а не чем-либо другим. Но решительно невозможно считать слова «слово Твое есть истина» разъяснением первой половины данного места: «Освяти их истиною Твоею». Такое разъяснение было бы совершенно неуместно в молитвенном общении двух Божественных Лиц. Поэтому следует видеть между этими самостоятельными предложениями причинно-целевую связь: «Освяти их истиною Твоею». Это необходимо для них как служителей слова, ведь «слово Твое есть истина», и потому сами свидетели истины должны постоянно пребывать в истине.

Итак, из 17 стиха отнюдь нельзя извлечь положение: «освящение совершается словом». Это извлечение могло бы быть основано лишь на следующем рискованном логическом построении: «Освяти их истиною». Но «слово Твое есть истина». Следовательно: «Освяти их словом Твоим».

Так могли рассуждать схоласты. Но этот прием немаловажен, по крайней мере в данном случае, ибо вносить догматизирующую логику в текст проникновенной молитвы Христовой — значило бы грубо и дерзко грешить против истины.

Что касается слов: «Освяти их истиною Твоею» (ст. 17), то и здесь следует иметь в виду неточность русского перевода. Греческое «ἐν τῇ ἀληθείᾳ» гораздо лучше передано славянским текстом: «Святи их во истину Твою», что может означать: освяти их для служения истине и пребывания в ней. Впрочем, возможен и тот оттенок смысла, который только и передан в русском переводе, хотя, по-видимому, он имеет лишь второстепенное, дополнительное значение. Что это действительно так, видно из следующего изъяснения, сделанного св. Иоанном Златоустом: «Святи их во истину Твою» (Ин. 17, 17) — сделай святыми преподаванием Святого Духа и правых догматов. Как прежде сказал: «Чисти есте за слово, еже глаголах вам» (15, 3), так и теперь говорит то же самое: наставь их, научи истине... Впрочем, мне кажется, что выражение «святи их» значит и нечто другое, именно: отдели их для слова и проповеди. И это опять видно из дальнейших слов: «Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир» (Ин. 17, 18). То же говорит и Павел: «Бог... дал нам слово примирения» (2 Кор. 5, 19). Действительно, для чего пришел Христос, для того и апостолы обошли вселенную» (Творения, т. VIII, СПб., 1902, кн. 2, с. 549).

В духе св. Иоанна Златоуста толкует Ин. 17, 17 и архимандрит Михаил: «Освятить значит в общем смысле — сделать святым, в частном — приносить в жертву Богу или отделить для особенного служения Богу. В приложении к апостолам освящение их означает поставление их на дело особенного служения Богу, их особенное должностное служение именно — как проповедников и служителей Евангелия (ст. 18), поставление через сообщение им особенных даров и сил для прохождения сего служения. Это совершилось в излиянии на них даров Святого Духа... Это особенное служение их должно простираться до самоотвержения, до принесения себя в жертву истине или слову истины, и в сем случае они будут как жертва, посвященная и освященная Богу. Таков здесь смысл молитвы «освяти»: отдели их Себе на особенное служение Тебе в слове истины, даруй им потребные к тому силы и особенные дарования, и прими их как посвященную Тебе жертву, приносимую ими в сем служении до самоотвержения (ср. Златоуст и Феофилакт) (Первосвященническая молитва Господа нашего Иисуса Христа — ЧОЛДП, 1873, ч. 2, ноябрь с. 456—457).

5. Все вышесказанное отнюдь не означает, что отцы и учителя Церкви, а вслед

за ними и православные экзегеты, склонны были отрицать или умалять очищающее значение слова Божия.

«Исповедание правых догматов о Боге,—говорит св. Иоанн Златоуст,—действительно очищает душу. Не удивляйся и тому, что Он (Господь) приписывает освящение слову... Так и Павел говорит о Церкви, что Христос осыпал ее в глаголе (Еф. 5, 26). Значит и глагол Божий может очищать» (Творения, т. VIII, кн. 2, СПб., 1902, с. 549—550).

То же утверждают и другие. Однако никто не признает того, будто слово Божие является единственным средством к нравственному очищению человека. «По смыслу самого образа (т. е. образа истинной Лозы), и по согласному мнению отцов — свв. Кирилла Александрийского, Златоуста, Феофилакта, средством этим являются и все те многообразные искушения и испытания, в которых люди праведные, очищаясь как золото в огне (1 Петр. 1, 6—7), возводятся Богом на высшую степень святости и чистоты» (К. Сильченков. «Прощальная беседа...», с. 234).

Тем более никто из православных экзегетов древности и последующих времен не допускал и мысли о том, что слово Божие является будто бы единственным проводником очищающей и освящающей благодати Божией. Не меньшая роль в этом отношении всегда признавалась за таинствами. Крещение Духом св. Григорий Богослов называет «истинным и очищающим глубины (τὰ βάθη καθάρωντος) духа» (Слово 40. О св. крещении, § 7, по изд. Миня). По словам св. Григория Нисского, «грехи оставляет Отец, возьмет же на Себя грех мира Сын и от греховной скверны очищает Дух Святой, в ком Он пребывает» (О молитве Господней, слово 3-е, по изд. Миня). Это происходит очевидно в таинствах крещения и покаяния.

Святые отцы любили говорить о предпочиняющем действии слова Божия через пробуждение в душе сознания греховности, внушение добрых помыслов и т. п. Так, по выражению св. Кирилла Иерусалимского, «лучи света и ведения» — это только «предоснапшие» Духа (προπαισθητικοί) (16-е Огласительное поучение, § 16, по изд. Миня).

Преп. Макарий Египетский, сказав о призывающем действии Божиим, о возрождении души в крещении, об усовершенствовании христианина через вкушение Божественной Трапезы, вообще о союзе между спасающей человека благодатью и силами самого человека, идущего навстречу благодати, обобщает все сказанное таким образом. Бог «очищает душу от скверны и, омывая... делает светлой, оживотворяет от мертвенности... умиротворяет, прекращая ее вражду... принимает ее, мало-помалу изменяя ее собственной силой... пока она не примет совершенной меры любви Его» (Беседа 47, § 17). Здесь очищение рассматривается как постепенный процесс изменения души в подвиге всей жизни человека, причем в этом процессе участвует и Божественная благодать — через слово Божие и таинства, и добрая воля самого очищаемого.

В этой связи необходимо упомянуть известное место из творений блаж. Августина, которое как будто бы показывает, что этот учитель Церкви ставил освящающее действие таинств в прямую зависимость от силы слова Божия, с ними непосредственно связанного: «Почему не сказал Он: вы чисты через крещение, которым омылись, но сказал: чрез слово, которое Я проповедал вам (Ин. 15, 3), как не потому, что и в воде очищает слово? Устрани слово, и что будет вода, как не вода? Соединится с материей слово и получается таинство, само будучи как бы видимым словом... Откуда такая сила в воде, что касается тела и омывает сердце, как не от действия слова: не потому, что оно говорится, а потому, что в него веруется? Ибо и в самом слове иное есть звук переходящий и иное сила пребывающая...» (Толкование на Евангелие от Иоанна. См. К. Сильченков. Цит. соч., с. 236).

Было бы ошибкой, основываясь на этом месте, утверждать, что сущность таинства составляет слово Божие, своим смыслом возбуждающее веру крещаемого и тем самым привлекающее на него благодать, совершающую очищение. Такой взгляд неизбежно приводил бы к выводу, что если крещаемый не сумел во время совершения таинства достаточно сосредоточиться, то слово не оказало своего действия и таинство осталось недействительным. Подобной мысли нет у блаж. Августина. «Слово», о котором он говорит, — кстати, не называя его прямо словом Божиим, — есть не что иное как молитвенное призывание Духа Святого, испрашивающее необходимый и свойственный таинству благодатный дар. В этом слове сосредоточена вера Церкви, по полномочию которой таинство совершается, вера в Троичного Бога и в спасение, Им даруемое. В таком смысле говорит о таинстве крещения св. Григорий Нисский: «Молитва к Богу, призывание небесной благодати, вода, вера пужны к совершению таинства возрождения... Посему, говорят, молитва и призывание небесной силы, совершаемое над водой, делается главной причиной жизни для освящаемых» (Большое катехизическое слово, гл. 33, по изд. Миня).

Д. Богдашевский в изъяснении текста: «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова» (καθάρῃς τῇ λουτρῇ τοῦ ὕδατος ἐν ῥήματι — Еф. 5, 25—26) довольно убедительно показывает, что выражение: «слово» (ῥῆμα без члена) означает здесь не слово Божие, не Евангелие, не слово веры (как в Рим. 10, 8), а «слово, с которым соединяется, или которое сопровождается крещение, — слово, которое образует внутреннюю сторону после-

днего, т. е. сообщает ему благодатную силу... Так мы приходим, — заключает свой анализ Богдашевский, — к святоотеческому толкованию, что ἐν ῥήματι указывает на тайноводственные слова, произносимые при крещении: «В глаголе, говорит. Каком? — Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (св. Иоанн Златоуст, Минь, т. 62, кол. 137. Также блаж. Феодорит, Минь, т. 82, кол. 548; блаж. Феофилакт Болгарский, Минь, т. 124, кол. 1116. Икумений, Минь, т. 118, кол. 1244. Д. Богдашевский. Письмо св. ап. Павла к Ефессянам. Киев, 1904, с. 631—632).

Выводы

1. Место Ин. 15, 3 должно рассматриваться не как самодовляющееся утверждение догматического характера (будто бы очищение совершается исключительно словом Божиим), а как одно из наставлений назидательно-уещательного характера, включенное в завещание Господа апостолам, как будущим пастырям Церкви.

2. Предшествующий стих (Ин. 15, 2) и весь контекст (Ин. 15, 1—8), относящийся к учению о Церкви — Лозе, ясно показывает, что очищение словом — это лишь одно из возможных средств очищения, имеющихся в Церкви.

3. Место Ин. 15, 3 имеет смысловую близость с местом Ин. 13, 10. Та же мысль, но только отчасти, свойственна и месту Ин. 17, 17.

4. Возможно, что существует некоторая смысловая связь между Ин. 15, 3 и Пс. 118, 140.

5. Место Ин. 15, 3 «не имеет того смысла, что в дальнейшем очищении они (апостолы) уже не нуждаются» (К. Сильченко. Цит. соч., с. 237). Лучшее доказательство этому — отречение апостола Петра и оставление Христа учениками в последние часы Его жизни.

Епископ Тихвинский МИХАИЛ (Мудьюгин)
Ленинградская духовная академия

РЕФОРМАЦИЯ XVI ВЕКА, КАК ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Предлагаемый доклад имеет целью дать краткий обзор исторических явлений и идей XVI в., объединяемых обычно под общим названием Реформации.

Ограниченный размер доклада не позволяет, разумеется, претепловать на исчерпывающее или даже сколько-нибудь полное изложение столь сложной и насыщенной событиями эпохи, представляющей одну из наиболее ярких страниц в истории Западной Церкви. Однако даже сугубо обобщенный синтез, сделанный, во-первых, на основе знакомства с такими первоисточниками протестантизма, как труды его основоположников и вероисповедные изложения (часто называемые «символическими книгами»); во-вторых, с учетом общезвестных исторических событий, явившихся внешним выражением реформации, а также, в-третьих, с оценкой крупнейших церковных и идейных сдвигов, явившихся ее следствием, — даже такой синтез при всей его краткости и беглости представляется полезным, поскольку может явиться шагом вперед в самой постановке проблемы.

В самом деле, до последнего времени подход к протестантизму со стороны католических и многих православных богословов и историков определялся в основном полемическими задачами, накладывавшими печать некоторой тенденциозности даже на изложение исторических фактов, не говоря уже об их освещении и трактовке. Такой подход не способствовал, разумеется, взаимному пониманию и лишь увеличивал разрыв, существующий между Церквями и соответствующими богословскими школами. В свете экуменических задач очевидна целесообразность и назревшая необходимость более объективного подхода, проникнутого взаимным уважением и христианской любовью и, прежде всего, научным беспристрастием.

Другим недостатком изображений реформации, как и других церковно-исторических явлений в нашей литературе, являлось увлечение освещением внешних событий, а также деятельности отдельных выдающихся личностей с одновременным пренебрежением к социальным явлениям и процессам, на фоне которых события происходили, а личности действовали.

Такая поверхностность исключала возможность исторического обобщения, а там, где его попытки имели место, оно оказывалось односторонним и потому часто обедненным и даже извращенным.

Практикуемые в течение последних лет дружеские контакты и собеседования православных и протестантских богословов требуют для своего успеха разработки православной стороной определенного взгляда на реформацию как на явление церковной истории христианского Запада и трезвой оценки основных результатов и последствий реформации. Автор надеется, что предлагаемый доклад в некоторой степени послужит выполнению этой, по его мнению, важной и актуальной задачи.

I. Историческая обусловленность реформации

В конце XV и в первом десятилетии XVI столетий христианской эры Западная Церковь жила чаяниями коренных улучшений, реформы церковной жизни «in caritate